

— Ты что, неграмотный?

Мин И недовольно нахмурился. Он и представить не мог, что первым же препятствием в обучении Чжоу Ци станет такая банальная вещь, как незнание грамоты.

У него совершенно не было терпения возиться с детьми и учить их иероглифам — единственным исключением когда-то стал Цзян Сяочжоу, для которого старейшина лично выступил первым наставником.

При секте Меча Лянъи, конечно, имелась своя школа грамоты. Сюда частенько принимали сирот и деревенских детей, а для постижения таинств совершенствования умение читать было жизненно необходимо.

Цзян Сяочжоу невольно представил животрепещущую картину: главный герой находит на дне глубокого ущелья свиток с величайшей техникой древности, но из-за своей неграмотности вынужден показать его первому встречному. Тот, разумеется, загорается завистью, замышляет недоброе и решает прирезать несчастного...

Да уж, начальное образование — штука серьёзная!

Чжоу Ци густо покраснел и, низко опустив голову, выдавил:

— Да... Мне никогда не доводилось учиться грамоте.

В его родной деревне была небольшая школа, где преподавал старый спившийся учёный. Стоило Чжоу Ци один-единственный раз пристроиться у забора, чтобы послушать урок, как старик вместе с оравой учеников с позором выгнал его враз. —

— Подслушивать — всё равно что воровать! Воровство это, бесстыдник! — кричал старик ему вслед.

«Я не вор!» — крутилось тогда в голове испуганного мальчика. Он бежал прочь без оглядки, и эти обидные слова ранили его куда глубже, чем привычные издёвки деревенских мальчишек, звавших его безродным ублюдком.

Но хуже всего то, что по деревне тут же поползли грязные слухи. Взрослые стали коситься на него, шептаться за спиной и брезгливо указывать пальцами.

— Я же говорила, этот щенок добром не кончит... — шипели кумушки.

— А у меня ведь на прошлой неделе золотая заколка пропала, обыскалась вся. Теперь-то ясно, чьих рук дело...

От этих нахлынувших воспоминаний Чжоу Ци помрачнел.

— Сначала выучи азбуку, потом возвращайся, — равнодушно бросил Мин И и тут же потерял к мальчику всякий интерес.

Куда забавнее было... нет, не мучить, а наставлять Цзян Сяочжоу.

Когда день подошёл к концу, ребята начали спускаться с горы.

Весь путь вниз Чжоу Ци хранил угрюмое молчание. Пока старейшина занимался с Цзян Сяочжоу, он сиротливо стоял в стороне, чувствуя себя лишним.

Подобное пренебрежение ранило сильнее любой открытой неприязни. Он сгорал от стыда и остро ощущал, что ему здесь совсем не место.

Сяочжоу изредка косился на спутника, не зная, как завязать разговор. А ведь он так надеялся, что с появлением главного героя старейшина переключит внимание на новобранца и наконец-то оставит его самого в покое! Мечтам о передышке не суждено было сбыться.

Вскоре они дошли до усадьбы Сяочжоу — аккуратного дворика, который содержали в чистоте немногословные слуги. У самых ворот, когда пришло время расходиться, Сяочжоу внезапно осенило.

«Если я сам обучу его грамоте, мы гораздо быстрее сможем практиковаться вместе!»

— погоди! — Сяочжоу резко схватил Чжоу Ци за руку. — Ты вообще где устроился?

— На... седьмом пике, — растерянно ответил тот. Там ютились слуги и чернорабочие; именно туда его временно и определили.

— Пойдём к моему отцу! — загорелся Сяочжоу. — Тебе ведь каждое утро нужно подниматься со мной на гору. С седьмого пика не набегашься, даль несусветная! Перебирайся ко мне!

Мальчик застыл как вкопанный, пытаясь осознать услышанное.

— Вы — сын главы секты, а я всего лишь... Как я могу жить с вами под одной крышей?

К тому же старейшина Мин И ясно дал понять, что Чжоу Ци следует отправиться на передний склон горы к внешним ученикам, наотрез отказавшись тратить на него драгоценное время.

Сяочжоу, не слушая возражений, выудил из рукава талисман передачи звука и лёгким щелчком активировал его:

— Отец, я хочу, чтобы Чжоу Ци поселился у меня!

Глава секты Цзян Чангэ удивлённо отозвался с того конца связи:

— С чего вдруг такое решение?

— Хочу, чтобы мне было с кем поиграть! — Сяочжоу сознательно исказил мотивы. Скажи он, что собирается самолично обучать сироту грамоте, отец лишь отмахнулся бы, сочтя это за детскую блажь. А вот каприз одинокого ребёнка, желающего иметь товарища по играм, любящий родитель удовлетворил бы незамедлительно.

Расчёт оправдался на все сто. Чангэ согласился без лишних расспросов, даже не подумав поинтересоваться мнением самого Чжоу Ци:

— Хорошо, я велю слугам подготовить для него комнату в твоём павильоне.

— Спасибо, пап! — расплылся в улыбке Сяочжоу и погасил талисман.

«Вот достигну стадии Слияния — и все эти бумажки станут не нужны, буду общаться напрямую через божественное знание», — подумал он.

Чжоу Ци, лишённый всякого права голоса, послушно пошёл вслед за Сяочжоу, который мягко, но настойчиво подтолкнул его к дверям.

Слуги без лишнего шума подготовили для гостя соседние покои. Едва Чжоу Ци успел присесть на край кровати, осматривая новое жилище, как раздался деликатный стук в дверь.

— Ну как тебе тут? — Сяочжоу просунул голову в приоткрытую дверь, весело щурясь.

— Очень хорошо, — зажато ответил Чжоу Ци, всё ещё чувствуя себя не в своей тарелке.

— Хе-хе, — Сяочжоу шмыгнул внутрь и разложил на столе чистый лист бумаги и тяжёлую книгу. Ткнув пальцем в свежие чернила, он спросил: — Знаешь, что здесь написано?

Чжоу Ци молча покачал головой.

— Чжоу... Ци, — Сяочжоу бережно обвёл пальцем очертания знаков. — Очень красивое имя, между прочим.

Мальчик долго всматривался в изящные штрихи, а затем негромко спросил:

— А как пишется твоё?

— Моё? Да ничего особенного, обычное имя, — Сяочжоу не ожидал от него такого вопроса. Он взял кисть и размашисто начертил рядом: — Цзян... Сяо... чжоу.

Усевшись напротив, Сяочжоу выжидающе уставился на него сияющими глазами:

— Хочешь, я научу тебя читать и писать? — он всё же решил проявить тактичность и спросить согласия.

Чжоу Ци замялся, неуверенно возразив:

— Но старейшина Мин И велел мне сначала отправиться к внешним ученикам на передний склон горы...

— Ой, да там тоска смертная, застрянешь на вечность! — Сяочжоу нетерпеливо взмахнул руками и раскрыл учебник. — Вот книга, по которой я сам учился в детстве. Начнём прямо сегодня. Каждую ночь я буду приходить и заниматься с тобой, а днём мы по-прежнему будем ходить на Террасу Обсуждения Меча. С Мин И я сам разберусь.

В оригинальном сюжете новеллы ни слова не говорилось о неграмотности Чжоу Ци — там он сразу начинал тренировки под личным руководством Цзян Чангэ. Но теперь история сделала крутой вираж. Появился загадочный старейшина Мин И, да и сам Сяочжоу путал все карты. Допустить, чтобы будущий великий мастер прозябал на переднем склоне среди заурядных внешних учеников, он просто не мог.

Секта Меча Лянъи чётко делилась на Переднюю и Заднюю обители. В Передней обучались внешние ученики, тогда как Задняя принадлежала внутренним послушникам, личным преемникам старейшин и самому главе секты. Разумеется, положение последних было несопоставимо выше.

Чтобы пробиться из внешнего круга во внутренний, требовалось пройти суровые испытания, а уж стать личным учеником удавалось лишь единицам. В оригинале Чжоу Ци получал этот статус с ходу и благодаря своему кроткому нраву быстро завоёвывал всеобщую любовь.

Сюжет стартовал, когда пятнадцатилетний герой совершал прорыв на стадию Колебания Сердца. К тому времени у него уже имелась наречённая невеста из соседней секты Повелителей Зверей — классический союз по расчету. Разумеется, стоило Чжоу Ци лишиться костей меча, как меркантильные соседи тут же расторгли помолвку, запустив излюбленный авторами шаблон «унижения и последующего триумфа».

Сяочжоу во что бы то ни стало хотел удержать историю в прежнем русле, а потому действовал решительно.

Сам же Чжоу Ци от возможности учиться отказываться не собирался. В его глухой деревне только староста да пара богатеев могли позволить себе отправить сыновей в школу. Мальчик молча кивнул в знак согласия.

Сяочжоу разгладил пожелтевшие страницы и выразительно зачитал первые строки классического трактата:

— «Тёмно-синее Небо и жёлтая Земля, необъятная и дикая Вселенная...»

Учить приходилось не просто начертанию и звучанию иероглифов, но и их глубокому философскому смыслу.

Урок затянулся далеко за полночь. Ночная тьма укрыла горы плотным покрывалом, вокруг царила глухая тишина, и лишь из окна павильона пробивался неровный свет свечи, унося в темноту два негромких детских голоса.

— «Среди мечей славен Цзюйцюэ, среди камней — сияющий нефрит»... Это значит, что самым грозным оружием считают клинок Цзюйцюэ, а величайшим сокровищем — ночную жемчужину.

— «Среди мечей славен Цзюйцюэ, среди камней — сияющий нефрит», — прилежно повторил Чжоу Ци.

— Верно. Дальше идёт... Ох, — Сяочжоу сладко зевнул, утирая выступившие слёзы.

Чжоу Ци оторвался от тетради:

— Тебе пора спать. Иди к себе.

Сяочжоу устало кивнул — веки слипались сами собой.

— Завтра утром разбуду тебя, пойдём на Террасу вместе. Мин И, конечно, характер имеет препаскудный, но как мастер он невероятно силён, даже сильнее моего отца. Просто стой рядом и запоминай всё, что он говорит. А если что-то останется непонятным — вечером разберём!

Ради того, чтобы подтянуть знания главного героя до нужного уровня, Сяочжоу готов был вывернуть себя наизнанку.

Чжоу Ци кивнул с каким-то странным, нечитаемым выражением лица. Когда Сяочжоу начал собирать учебные принадлежности, мальчик нерешительно окликнул его:

— А можно... оставить это здесь?

— А? Ты про лист? — Сяочжоу скользнул взглядом по клочку бумаги, где красовались их имена, и небрежно бросил его на стол. — Конечно, забирай.

Он решил, что Чжоу Ци просто хочет получше запомнить написание собственного имени. В конце концов, каждому приятно видеть себя на бумаге, потому он и вывел его имя первым делом.

Сяочжоу ушёл в соседнюю спальню и почти мгновенно погрузился в глубокий сон.

Дождавшись, пока за стеной всё утихнет, Чжоу Ци задул свечу. При тусклом свете луны, падавшем из окна, он долго разглядывал заветный лист.

«Цзян Сяочжоу».

«Почему он так добр ко мне? Чего он добивается?»

Впрочем, эта мысль тут же показалась ему нелепой. Между сыном великого мастера и бездомным сиротой лежала непреодолимая пропасть. Если кто-то из них и мог преследовать корыстные цели, то лишь сам Чжоу Ци. Они действительно принадлежали к разным мирам.

Поразмыслив ещё немного, мальчик лёг в постель. То ли из-за непривычно мягких простыней, то ли от избытка чувств, он долго ворочался, безуспешно пытаясь уснуть. Перед глазами навязчиво стоял утренний образ Сяочжоу, взирающего на него с высоты.

Когда сознание наконец начало ускользать в липкую полудрёму, утреннее воспоминание исказилось, являя скрытые страхи. Лицо Сяочжоу, прежде невыразительное, теперь отчётливо проступило в темноте, искажённое брезгливостью и презрением.

«Жалкий, безродный воришка».

«Проваливай».

«Какая мерзость...»

На следующее утро Сяочжоу проснулся ровно в назначенный час — выработанная годами привычка давала о себе знать. Он сладко потянулся, чувствуя лёгкую тяжесть в затылке после бессонной ночи.

«Наверное, Чжоу Ци ещё дрыхнет», — подумал он, неторопливо натягивая халат. Слуги принесли тёплую воду для умывания, и один из них, убирая таз, негромко обронил:

— Молодой господин, господин Чжоу уже давно дожидается вас снаружи.

Сонливость как рукой сняло. Сяочжоу торопливо выбежал во двор и замер. Чжоу Ци стоял на крыльце в своей простенькой холщовой куртке. По его неподвижной фигуре было ясно, что провёл он здесь не один час.

Откуда Сяочжоу было знать, что мальчик вообще не смыкал глаз? Истерзанный кошмарными видениями и сжираемый тревогой, Чжоу Ци посчитал за лучшее просто дожидаться рассвета на пороге своего единственного благодетеля.

— Ну ты силён, приятель! Спать-то не хочется? — Сяочжоу дружески хлопнул его по плечу.

Чжоу Ци лишь молча покачал головой.

Сяочжоу мог сколько угодно валять дурака перед отцом или Мин И, но ударить в грязь лицом перед ребёнком его гордость не позволяла. Собрав волю в кулак, он бодро скомандовал:

— Ладно, по коням! Идём на Террасу.

Позавтракав на скорую руку, мальчики начали затяжной подъём на вершину.

Чжоу Ци шёл следом, внимательно наблюдая за впереди идущей фигурой, и вскоре заметил, что Сяочжоу движется заметно медленнее обычного.

— Ступай вперёд, — не выдержав, негромко произнёс он. — Иначе старейшина снова разозлится и накажет тебя.

Сяочжоу обернулся и искренне удивился:

— С какой стати я должен бросать тебя здесь?

В его голосе звучала такая железобетонная уверенность, что Чжоу Ци лишь смущённо смолк, не зная, что возразить.

— Не переживай. Вот вырастешь, станешь великим мастером, тогда уж я буду у тебя защиты искать, — отшутился Сяочжоу, чтобы разрядить обстановку, и тут же перевёл тему: — Давай-ка лучше повторим то, что учили ночью.

Чжоу Ци едва заметно улыбнулся одними уголками губ:

— Давай.

<http://bllate.org/book/20178/2122054>